

5-й Восточно-Сибирекій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Отдавши Мертвую сопку японцамъ, я рѣшилъ отгородиться отъ нихъ окопами и засѣвкой; для этого продолжилъ и загнулъ траншеи на Длинной и Дивизионной горахъ.

Противъ долины, раздѣляющей Длинную и Мертвую сопки отъ Дивизионной горы, поставилъ свою 10-ю роту, которая, какъ я надѣялся, не пропустила бы никакого прорыва съ Мертвой сопки между занимаемыми нами горами.

Кромѣ того, нужно было теперь серьезно озаботиться укрѣпленіемъ Плоской горы.

Ко всѣмъ этимъ работамъ мы немедля и приступили.

На вершинѣ Плоской горы уже давно мною былъ начатъ ретуть на роту; оставалось его докончить и окружить эту гору поясомъ окоповъ, ротъ на пять.

Имѣя въ виду возможность прорыва черезъ Мертвую сопку, пришлось поставить укрѣпленія между фортами № 4 и Рыжей горой, и организовать оборону Дивизионной и Длинной горъ по частямъ.

А для этого нужно было поставить на этихъ горахъ перпендикулярные траншеямъ ретраншементы. Кромѣ того, нужно было

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» г. № 5.

обеспечить сообщеніе съ Дивизионной и Длинной горами, такъ какъ теперь эти сообщенія сдѣлались опасными. На все это нуженъ былъ опять инструментъ, матеріаль и рабочіе, а во всемъ этомъ опять же былъ страшный недостатокъ. Къ моему благополучію, въ это трудное время, былъ назначенъ на мой участокъ саперный офицеръ, капитанъ Геммельманъ, и нѣсколько унтеръ-офицеровъ, и по ночамъ я могъ свободно отдыхать. При штабѣ полка организовалъ большое депо матеріала.

Начали присылать по нашему требованію проволоку, мѣшки, желѣзо всякаго рода, а иногда и инструментъ; все остальное, какъ и прежде, мы добывали сами изъ складовъ города и отъ желѣзной дороги по квитанціямъ.

Возя тяжелый матеріаль: бревна, доски, рельсы и др., наши полковые лошади страшно изнурились. Ощущался большой недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ, а нашъ обозъ употреблялся для надобностей и другихъ частей.

Удивительно странно—такая важная крѣпость, какъ Артуръ, была оставлена совершенно безъ перевозочныхъ средствъ.

Нужно все видѣть и испытать, чтобы понять, что значать для крѣпости хорошія перевозочныя средства, какъ онѣ для нее необходимы.

Уже подъ конецъ осады была проложена дековилька къ штабу моего полка, да и та не работала; вѣроятно, не было вагоновъ. Я видѣлъ только рельсы, а вагоновъ нигдѣ не видалъ. Въ крѣпости необходимо имѣть собственный обозъ, лошадей для него нужно брать такъ же, какъ и для обозовъ войскъ, а лучше заготовить хорошия и сильныя автомобили.

Мнѣ очень хотѣлось устроить для себя и полковника Ирмана безопасный наблюдательный пунктъ на одной изъ нашихъ горъ, но, за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, такъ мы и остались на все время осады безъ укрытаго отъ выстрѣловъ непріятеля наблюдательнаго пункта. Ночевали мы почти всегда въ штабѣ полка, гдѣ находился и штабъ начальника всего западнаго фронта, полковника Ирмана. Штабы эти помѣщались въ удобномъ зданіи артиллерійскаго вѣдомства, у самой Рыжей горы.

Передъ нимъ мы разбили большой шатеръ нашей столовой, гдѣ и обѣдали въ довольно большой своей компаніи.

Изъ города къ намъ пріѣзжали рѣдко, такъ какъ штабъ отъ пуль и гранатъ былъ не безопасенъ. У самага дома были убиты

два музыканта, два музыканта были ранены, раненъ также былъ мой денщикъ, рядовой Равинскій въ локоть.

Впрочемъ, генералъ Никитинъ частенько заѣзжалъ къ намъ поужинать, и его посѣщеній мы всегда-ждали съ нетерпѣнiемъ. Веселаго характера, умный и интересный собесѣдникъ, генералъ Никитинъ всегда привозилъ намъ какія-нибудь интересныя новости, и монотонность нашей жизни при немъ совершенно забывалась.

Онъ намъ рассказывалъ, что дѣлается на остальныхъ частяхъ сухопутнаго фронта, передавалъ любопытныя свѣдѣнiя объ отбитii штурмовъ и о вѣстяхъ изъ Куропаткинскои армii. И мы, забывая о настоящихъ неутѣшительныхъ обстановкѣ и обстоятельствахъ, воскресали духомъ, чему старый генералъ, конечно, отъ души радовался.

За этими бесѣдами много уничтожалось чаю, въ которомъ, къ счастью, ни для солдатъ, ни для офицеровъ недостатка не было; но столъ нашъ въ это время уже былъ очень скуденъ: супъ съ рисомъ изъ конины, жареная конина на прогорклomъ маслѣ или салтѣ съ рисомъ—вотъ и весь нашъ обѣдъ. Ужинъ былъ почти такой же.

Изрѣдка солдаты намъ принесутъ манерку, рубашками или кальсонами наловленныхъ въ лошадиныхъ водопояхъ гольцовъ (маленькая голая рыбка), и тогда у насъ угощенiе было на славу.

Наблюдая съ Рыжей горы за положенiемъ дѣлъ на позицiяхъ, я очень часто стрѣлялъ сядящихся въ кустахъ на склонѣ горы разныхъ перелетныхъ птицъ, и мы ихъ, несмотря на породу, ѣли преисправно. Отъ жаренаго козодоя я пришелъ просто въ восторгъ. Удивляюсь, почему не ѣдятъ у насъ эту птицу.

За Рыжей горой и по ея сѣверному склону росъ небольшой сосновый лѣсокъ—мое любимѣйшее мѣсто отдохновенiя и отличный наблюдательный пунктъ.

Гуляешь по этому лѣсу, вдыхаешь полной грудью чудный аромат сосны и вмѣстѣ съ тѣмъ видишь всѣ свои позицiи.

При яркомъ солнечномъ освѣщенiи на горахъ виденъ всякiй человѣкъ, и вся жизнь, занимающихъ ихъ частей, у васъ передъ глазами.

Тамъ, на Дивизионной горѣ, въ кухнѣ 7-й роты, варится обѣдъ; немного лѣвѣе 6-я рота обѣдъ уже разбираетъ; а тамъ, по длинному ходу сообщенiя, вереницей идетъ цѣлая рота—это смѣна нашимъ охотникамъ на лѣвомъ флангѣ Дивизионной горы, гдѣ идетъ постоянная перепалка съ японцами. Подъ самой Рыжей горой шелъ рядъ небольшихъ запрудъ (артилерiйскiй водопой); эти за-

пруды были источникомъ истинныхъ наслажденій для нашихъ людей; отдыхающія части въ нихъ купались и ловили рыбу, несмотря на то, что туда частенько залетали непріятельскія пули и гранаты.

Ны Высокой горѣ спокойно, и радуется мое сердце, что японцы даютъ намъ время укрѣплять ее.

А вотъ происходитъ безвредная бомбардировка 4-го форта и 4-й долговременной батареи.

Крупные снаряды все время даютъ перелеты черезъ фортъ № 4 и недолеты на батарею № 4.

Съ какой страшной силой взрываются они. Газы при этомъ разрывѣ не появляются клубомъ, а разбрасываются какими-то мало замѣтными для глаза лучами, и уже потомъ на верху показывается облако черного дыма.

Замѣчательно, что если первый снарядъ далъ недолетъ, то и послѣдующіе не долетятъ; если перелетъ, то и остальные также перелетятъ.

Между фортами № 2 и № 3 есть дорога. Ставши на эту дорогу, вы можете наблюдать дѣйствіе какой-то японской пушки; снаряды, перелетая изъ-за горы, черезъ дорогу, ложатся акуратно въ одно, точно всѣмъ извѣстное, мѣсто, и это во все время осады отъ начала и до конца. Солдаты, со свойственнымъ имъ юморомъ, объясняютъ, что это стрѣляетъ исправный канониръ.

На мѣстѣ моей прогулки въ лѣсу снаряды разрывались крайне рѣдко; они летѣли больше на батарею Рыжей горы, гдѣ погибъ одинъ изъ доблестныхъ офицеровъ пришедшей изъ Кіева батареи полковника Петрова, поручикъ Корниловичъ.

Много отрядныхъ минутъ я провелъ въ лѣсу на Рыжей горѣ, занимая свое воображеніе картинами прошлаго и стараясь не думать о настоящемъ и будущемъ; я и солдатамъ всегда говорилъ, желая поднять ихъ бодрость: «никогда не думай о томъ, что съ тобой будетъ, а только о томъ, что было.

Въ моихъ увеселительныхъ прогулкахъ меня очень часто сопровождали нашъ милый докторъ, Федоръ Семеновичъ Троицкій; вѣчно веселый и остроумный, онъ всегда находилъ пріятную тему для разговора и тѣмъ не только развлекалъ, но и поддерживалъ бодрость духа своихъ собесѣдниковъ. Онъ всегда былъ желаннымъ членомъ всякой компаніи. Въ свободное и спокойное время, я часто заходилъ на перевязочный пунктъ къ доктору, и мы распивали съ нимъ бутылку портера, который докторъ добывалъ какимъ-то секретнымъ способомъ изъ какого-то сокровеннаго источника.

Многіе завидовали такому привилегированному положенію; но добиться, откуда добываетъ докторъ портеръ, такъ и не могли.

Кромѣ окоповъ, для усиленія обороны, на важныхъ пунктахъ необходимо было ставить различныя препятствія.

Самымъ излюбленнымъ и дѣйствительнымъ были проволочныя сѣтки, но проволоки въ крѣпости было мало. Правда, ее много пошло на усиленіе главной ограды. Но, когда закрывали промежутки между фортами (до нашего прихода въ Артуръ), объ укрѣпленіи Угловыхъ горъ никто и не думалъ. Говорю это не въ упрекъ укрѣплявшихъ Артуръ до нашего прихода. Они должны были, конечно, прежде всего обезпечить главную линію обороны, а на Угловыя горы всего этого и не хватило. Проволочными сѣтями были усилены: Высокая гора, лѣвый флангъ Плоской—очень небольшой участокъ, лѣвый флангъ Дивизионной и правый флангъ Длинной (усиленъ перешеекъ между Мертвой сопкой и Длинной горой; этотъ же перешеекъ усиленъ и досками съ гвоздями). Для избѣжанія прорыва—между Фальшивой сопкой и Высокой горой, въ долину между Длинной и Плоской горой у лѣвыхъ ихъ фланговъ, между Длинной и Дивизионной были поставлены фугасы; эти фугасы наводили большой страхъ на японцевъ. Поэтому, можетъ быть, ни одного прорыва они и не предпринимали по долинамъ, а предпочитали всегда лѣзть по самымъ неприступнымъ скатамъ.

Много неудачъ намъ выпало на долю съ 1-го августа и до самаго сентября. Японцы, благодаря превосходству своей артиллеріи, успѣшно отнимали у насъ гору за горой.

Но я не унывалъ и часто утѣшалъ ген. Кондратенко, обращая его вниманіе на то, что чѣмъ ближе мы подходили къ главнымъ оборонительнымъ пунктамъ, тѣмъ наша оборона, вслѣдствіе благопріятнѣйшаго соответствія между обороняемымъ пространствомъ и силами обороняющаго отряда, становится сильнѣе.

За то въ центрѣ, гдѣ шла главная атака японцевъ, мы оборонялись очень успѣшно, и успѣхъ этотъ очень сильно поднималъ нашъ духъ.

9-го и 10-го августа былъ отбитъ главный штурмъ японцевъ на центръ нашей обороны. Непріятель при этомъ понесъ страшныя потери. У насъ рассказывали, что всѣ склоны атакованныхъ высотъ сплошь покрыты трупами неприятели, и на позиціяхъ отъ

нихъ шло страшное зловоніе. И у насъ отъ Мертвой сопки пахло такъ же очень неприятно.

Плохо, что овощей становится очень мало. Все переѣли, кромѣ рѣдьки, которая у насъ за столомъ, нарѣзанная ломтиками, подается какъ лакомство. Ѣдимъ рисовый супъ.

Сѣно для лошадей добывать очень трудно; скоро его совсѣмъ не будетъ въ вольной продажѣ; будемъ брать въ интендантствѣ; у нихъ запасы еще не тронуты.

Послали на берегъ въ Голубиную поручика Богдановича, для добыванія намъ рыбы; присылаетъ довольно много, но все ниткохвосты, на которыхъ прежде никто изъ насъ и смотрѣть бы не сталъ.

Какъ я уже говорилъ, съ паденіемъ Угловой горы, мы очистили Соединительный кряжъ и отдали его во власть японцамъ, которые не преминули имъ воспользоваться и, гдѣ можно, начали на немъ ставить укрѣпленія (тихой сапой).

Между прочимъ, они возвели хорошіе окопы для обстрѣла вдоль всего тыла Длинной горы.

Эта послѣдняя, угрожаемая со стороны Мертвой сопки и обстрѣливаемая во флангъ съ Соединительнаго кряжа, была въ опасномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что окопы на ней были почти безъ всякихъ приспособленій для защиты отъ шрапнельнаго огня. Хорошо, что мы послѣ взятія Угловой, тотчасъ же начали ставить длинные траверсы, во всю ширину горы и тѣмъ сдѣлали фланговый огонь съ Соединительнаго кряжа очень мало чувствительнымъ. Когда же тылъ Длинной сталъ страдать отъ выстрѣловъ съ Соединительнаго кряжа, я поставилъ у дороги, ведущей на верхъ Длинной, два скорострѣльныххъ орудія. Они сбили опасные окопы на Соединительномъ кряжѣ и тѣмъ отвядили японцевъ отъ опасной и очень неприятной для насъ стрѣльбы. А для того, чтобы обезопасить Длинную отъ возможной ночной атаки въ тылъ ея лѣваго фланга, я загородилъ тыльную дорогу съ лѣваго фланга Длинной рядомъ фугасовъ, проволоочной сѣтью и рогатками изъ досокъ (прекрасное искусственное препятствіе, гдѣ нѣтъ артилерійскаго огня); обходя со стороны праваго фланга я загородилъ такими же рогатками и сильнымъ развитіемъ обороны съ праваго фланга Плоской горы, гдѣ поставилъ не одну, а двѣ роты, въ хорошо устроенныхъ окопахъ.

Несмотря на всѣ эти мѣры, Длинная гора была очень слаба; окопы ея имѣли ничтожную профиль и не имѣли приспособленій отъ шрапнели. Кромѣ того ближніе подступы далеко не вездѣ могли быть обстрѣляны обороняющимся. Это страшный недостатокъ позиціи, когда имѣешь дѣло съ такимъ противникомъ, какъ японцы. Все это показывало мнѣ, что Длинная гора была въ очень опасномъ положеніи, несмотря на то, что ее обороняли четыре роты: двѣ роты моряковъ, одна рота 13-го В.-С. стрѣлк. полка, 101 чел. охотничьей команды 27-го полка, 7-я рота 28-го полка и наша 9-я рота—98 чел.

Имѣя все это въ виду, я началъ усиленно готовить къ оборонѣ Плоскую гору; но недостатокъ инструмента и рабочихъ сильно замедляли эту работу, тѣмъ болѣе, что одновременно съ ней нужно было усиливать лѣвый флангъ Дивизионной—онъ былъ въ страшно опасномъ положеніи. Съ Мертвой сопки можно было видѣть не только голову, но и пятки стрѣлковъ, занимающихъ его окопы. Пройти къ нимъ безопасно было также нельзя; нужно было провести къ нимъ, по крайней мѣрѣ, два очень длинныхъ хода сообщенія. Все это требовало большого количества инструмента и рабочихъ. Трудно было укрѣпляться при большомъ недостаткѣ всего, что для этого нужно.

Вотъ и это было большое счастье, что весьма часто перепадали дожди, и наши ручейки были полны водой, чистой, холодной и вкусной. Почти у каждой роты на позиціи было свое мѣсто для купанья и мойки бѣлья.

Въ худшихъ условіяхъ въ этомъ отношеніи находились Высокая и Длинная горы. Люди оттуда должны были ходить для мойки бѣлья за штабъ полка, къ артилерійскимъ конюшнямъ, хотя это мѣсто было не совсѣмъ безопасное. Подпоручикъ Ивановъ былъ тутъ раненъ пулей въ ногу на-вылетъ. Но болѣе безопаснаго мѣста у насъ почти не было.

2-го августа отданы въ мое вѣдѣніе форты и батареи основной оборонительной линіи отъ форта № 4 и до Голубиной батареи за № 5-мъ включительно:

Я и прежде бывалъ на этой позиціи и всѣхъ ея фортахъ. Совершенно кончена была только долговременная батарея № 4. Фортъ № 4 былъ совершенно конченъ внутри; но у него на валгангахъ не было траверсовъ, поэтому гарнизономъ было сдѣлано ихъ нѣсколько изъ земляныхъ мѣшковъ. Капонировъ во рвахъ также не было, и изъ рва лѣваго фланга можно было свободно

выйти къ горжѣ и влѣзть на валъ фланка. Поэтому гарнизонъ самъ сдѣлалъ открытый капониръ въ головномъ углу и преградилъ доступъ къ нему желѣзными рѣшетками.

Фортъ № 5 работался гарнизономъ во все время осады. Онъ достался ему въ видѣ гигантскихъ кучъ битаго камня, впереди которыхъ былъ высѣченъ въ скалѣ глубокой ровъ, сажени въ четыре, съ вертикальными эскарпомъ и контръ-эскарпомъ. Въ этотъ ровъ со двора укрѣпенія велъ открытый спускъ. Хотѣли сдѣлать потерну, но не успѣли ее сложить и засыпать, и изъ этого глубокаго рва можно было свободно выйти по этому спуску, и по обоимъ концамъ рва прямо на дворъ укрѣпенія. Казематовъ и блиндажей совершенно не было. Не было также и праваго фланка, такъ что внутренность укрѣпенія была видна съ артилерійскихъ позицій непріятели превосходно. Главный фасъ его и дворъ прекрасно анфилировались, а лѣвый флангъ брался прямо въ тылъ очень многими японскими батареями.

Гарнизонъ, съ помощью присылаемыхъ рабочихъ, насыпалъ правый флангъ съ крѣпкими блиндажами; въ серединѣ двора устроилъ большой и крѣпкій блиндажъ для всего гарнизона. Покрытіе блиндажа способно было сопротивляться ударамъ снарядовъ крупныхъ калибровъ (я лично видѣлъ воронку отъ 11-тидюймовой бомбы, сдѣланной въ правомъ переднемъ углу его, но самый блиндажъ поврежденъ не былъ). Подъ валгангами устроили блиндажи для офицеровъ и артилерійской прислуги. У праваго фланка совершенно открыто былъ поставленъ большой прожекторъ съ большой паровой машиной.

Пространство отъ форта № 4 и до форта № 5 было сплошь закрыто сѣткой и усилено большимъ количествомъ фугасовъ, а на высотахъ этого промежутка были поставлены окопы, но очень малой профили, стоя со дна рва, и насыпи ихъ были слишкомъ тонки. Совершенствоваться мы ихъ стали только тогда, когда отступили съ Угловыхъ горъ на наши главныя позиціи.

Послѣ того, какъ капитанъ 2-го ранга Цимерманъ былъ раненъ, комендантомъ Длинной горы 9-го августа былъ назначенъ мною нашъ завѣдывающій хозяйствомъ капитанъ Москвинъ. Этотъ смѣлый и энергичный человекъ внушалъ мнѣ большое къ нему довѣріе, и я надѣялся, что оборона Длинной горы въ его рукахъ будетъ сильнѣе, чѣмъ въ чьихъ-либо другихъ, такъ какъ всѣ наши офицеры страшно устали нравственно и имъ необходимъ былъ отдыхъ.

Видъ на Рыжую гору, штабъ 5-го полка, на городъ и бухту съ Фугасной горы.

Нужно и то помнить, что почти всѣ они были переранены. Имъ не везло и на позиціи, и въ городѣ. Недавно былъ такой случай; Нашъ казначей, поручикъ Фростъ, шт.-кап. Фелицынъ и батюшка от. Василій Слюнинъ помѣстились въ моей бывшей квартирѣ, близъ базара въ Новомъ городѣ. Утромъ, не помню какого числа, только что они встали и стали пить чай, въ комнату, гдѣ были батюшка и поручикъ Фростъ, попала бомба и своевременно разорвалась. Шт.-кап. Фелицина контузила сильно въ голову, батюшку также, съ опаленіемъ части его волосъ, а поручикъ Фростъ получилъ значительную рану въ голову и нѣсколько менѣе значительныхъ въ лицо. Слава Богу, что всѣ они остались живы и скоро выздоровѣли.

У насъ очень много убиваетъ лошадей у патронныхъ двуколовъ и въ ротныхъ повозкахъ, снабжающихъ людей продуктами. Убитыхъ лошадей мы ѣдимъ и тѣмъ поддерживаемъ значительно силы нижнихъ чиновъ. Очень многіе люди не хотѣли ѣсть конину, но потомъ, глядя на другихъ, стали ѣсть и прекрасно себя чувствовали. Что конина была въ почетѣ, доказываетъ слѣдующій случай: не помню какого числа и мѣсяца, близъ нашего штаба была убита лошадь; днемъ за неимѣніемъ людей и повозки свезти ее не могли; утромъ на мѣстѣ, гдѣ лежала лошадь, были только слѣды крови, а лошадь исчезла. Впослѣдствіи узнали, что ее по кускамъ разобрали проходящіе на позицію и слабосильные, жившіе за Рыжей горой.

6-го августа. Всталъ я сегодня очень рано, выпилъ стаканъ чаю, и, пользуясь тѣмъ, что было спокойно, пошелъ прогуляться въ лѣсокъ, на Рыжую гору; утро было чудное. Мнѣ съ горы было отлично видно, какъ на позиціяхъ люди шли къ ручьямъ мыться.

Дымъ ротныхъ кухонъ спокойно поднимался къ ясному небу, и день обѣщалъ быть прекраснымъ.

Не помню, сколько времени я просидѣлъ въ чудно душистой зелени и сидѣлъ бы еще очень долго, если бы меня не окликнули снизу. Чей то голосъ звалъ меня ѣхать съ полковникомъ Ирманомъ на 5-й фортъ. Я быстро спустился съ горы; лошади были уже осѣдланы, и черезъ нѣсколько минутъ мы уже ѣхали къ 5-му форту, выбравъ дорогу городомъ, такъ какъ напрямикъ ѣхать было опасно.

На полдорогѣ къ цѣли нашей поѣздки заѣхали на батарею 42-мм. пушекъ (редутъ № 4).

Видъ съ верхней дороги (тыловой) Высокой горы на дорогу въ новый городъ, въ штабъ 5-го полка, на Рыжую гору и въ бухту.

Я указалъ командиру этой батареи на конецъ японской траншеи, гдѣ, по свѣдѣніямъ нашихъ охотниковъ, находилось нѣсколько японскихъ пулеметовъ, сильно мѣшавшихъ нашимъ вылазкамъ. Въ бинокль амбразуры этихъ пулеметовъ были ясно видны.

Орудія быстро были направлены на указанную цѣль, и, послѣ очень недолгой пристрѣлки, снаряды стали ложиться удивительно мѣтко.

Опасный конецъ траншеи былъ разрушенъ. Думаю, что пулеметы уцѣлѣли, такъ какъ, въ виду явной опасности отъ нашихъ снарядовъ, японцы должны были ихъ увезти въ другое мѣсто; но чтобы ихъ снова поставить, имъ нужно будетъ работать цѣлую ночь. Удивительно мѣтко бьютъ длинныя 42-мм. пушки. Жаль, что фугасное дѣйствіе ихъ снарядовъ очень не велико. Орудія эти годятся только для демонтированія орудій непріятеля. Они достаточно подвижны для того, чтобы ихъ можно было быстро и внезапно сосредоточивать и выдвигать противъ ясно обнаруженной непріятельской батареи, что, впрочемъ будетъ очень рѣдко, такъ какъ всѣ батареи будутъ всегда тщательно спрятаны отъ взоровъ противника, и такъ какъ борются съ сильными орудіями они не въ состояніи, то ихъ въ крѣпости не нужно много; ихъ мѣсто въ резервѣ, а не на батареяхъ главныхъ боевыхъ позицій.

Непріятель на огонь 42-лин. не отвѣтилъ ни однимъ выстрѣломъ, и мы спокойно продолжали свой путь къ форту № 5, и черезъ нѣсколько минутъ были уже тамъ.

На форту все было спокойно; люди свободно и безъ помѣхъ работали на веркахъ, а работы этой было страшное количество. Нужно сказать, что фортъ № 5 былъ простой кучей битаго камня, какъ я объ этомъ уже говорилъ и раньше; его нужно было превратить въ фортъ, способный обороняться самостоятельно и для этого нужно было сдѣлать прикрытый путь и блиндированныя помѣщенія.

Этимъ и былъ занятъ гарнизонъ. Кое-какъ были устроены блиндажи для артилерійской прислуги и господъ офицеровъ, почему и явилась возможность для гарнизона обороняться и дѣйствовать противъ непріятеля.

Стрѣлковъ прежде держали внѣ форта, но, когда устроили большой блиндажъ внутри форта и прикрытый путь съ траверсами, то явилась возможность для стрѣлковъ занять свои оборонительныя линіи и жить на форту. Офицеры форта приняли насъ, какъ и всегда, радушно, угостили чаемъ и, когда чай былъ выпить, пошли осма-

тривать фортъ; всѣ были на своихъ мѣстахъ. Вездѣ работа, что называется, кипѣла, и морской строительной части инженеръ капитанъ Версе, завѣдывавшій работами на фортѣ, показалъ большую энергію и изобрѣтательность. Выходы изъ рва были закрыты, и рвы фланковъ были хорошо обстрѣляны съ этихъ закрытій.

Работалась большая пещера для резерва форта, совершенно безопасная отъ всякихъ выстрѣловъ и всякихъ снарядовъ. Но работа эта велась въ скалѣ и подвигалась очень туго. Мы уже кончили осмотръ и спокойно разговаривали въ блиндажѣ коменданта, какъ послышался страшный грохотъ. Это куда то ударилъ крупный непріятельскій снарядъ.

За полковникомъ Ирманомъ мы всѣ вышли наружу. Артиллерійская прислуга уже работала около орудій, наводя ихъ на какую то далекую точку, которая имъ послала только что разорвавшій снарядъ. Открыто стоять было опасно; поэтому я съ полковникомъ Ирманомъ побѣжали къ первому орудію, гдѣ сигнальщикъ всегда могъ предупредить о летящемъ снарядѣ. Орудія еще не были точно наведены, какъ сигнальщикъ крикнулъ: «берегись». Я вмѣстѣ съ матросами быстро скрылся за траверсъ. Тотчасъ надъ нами ураганомъ прошумѣлъ непріятельскій гостинецъ и со страшнымъ трескомъ разорвался на траверсѣ 11-го орудія. Не успѣлъ я мигнуть, какъ матросы были уже на своихъ мѣстахъ, и отвѣтъ изъ двухъ 6" Канэ загудѣлъ по направленію къ опасной точкѣ. Я выскочилъ посмотреть, куда попадутъ наши снаряды и ясно увидѣлъ два дымка на очень далекомъ холмикѣ, за всѣми японскими позиціями. «Развѣ тамъ что нибудь есть?» обратился я къ комендору 1-го орудія. «Точно такъ, онъ тамъ и есть, мы его давно уже примѣтили». Тутъ сигнальщикъ опять крикнулъ: «берегись», и мы опять, опрометью, бросились за траверсъ, и опять надъ нами бурю прошумѣлъ снарядъ, но на этотъ разъ далъ большой перелетъ и разорвался гдѣ то за форткомъ. Показалось, что не успѣлъ онъ лопнуть, какъ матросы были уже у орудій и опять послали по тому же направленію еще два стальныхъ гостинца. Тутъ заговорили и другіе форты, и въ опасную точку съ ревомъ и лязгомъ понеслись смерть и разрушеніе.

Долго ревелъ общая канонада. Мы то выскакивали наблюдать снаряды, то бросались за траверсъ. Я, признаться, уже усталъ отъ этихъ непрестанныхъ скачковъ. Полковникъ Ирманъ оказался значительно выносливѣ меня; но тутъ мнѣ показалось, что моя позиція за траверсомъ не особенно безопасна, и я рѣшилъ ее перемѣ-

нить на блиндажъ траверса. Въ слѣдующій окрикъ «берегись» мою мысль я привелъ въ исполненіе, но крайне неудачно. вмѣстѣ со мной къ спасительному отверстію бросилось еще нѣсколько человекъ, произошла ошибка, и я оказался въ числѣ тѣхъ, которые не успѣли юркнуть въ блиндажъ, а непріятельская бомба уже ударила позади насъ и, разорвавшись съ оглушительнымъ трескомъ, обдала всѣхъ дымомъ, камнями и пылью.

Но, слава Богу, все обошлось благополучно; только я получилъ порядочный синякъ на память отъ попавшаго мнѣ въ спину камня. Во время этой канонады мы не обращали особеннаго вниманія на другія горы, а тамъ начиналась подготовка японцевъ къ чему то очень важному.

Когда на 5-мъ фортѣ почти все утихло, мы замѣтили, что Высокую гору совсѣмъ заволокло дымомъ отъ разрывавшихся на ней снарядовъ; видимо, вмѣсто 2—3-хъ десятковъ снарядовъ въ день, японцы на Высокую гору послали уже не первую сотню. Это насъ очень обезпокоило, и мы на рысяхъ двинулись въ штабъ. Доѣхали безъ приключеній, но съ Высокой горы отъ капитана Стемпневскаго получилось сообщеніе, что непріятель сильно обстрѣливаетъ гору и что лѣвофланговая часть нашихъ траншей сильно пострадала отъ удара и разрыва бомбъ.

Длинная гора также страшно обстрѣливалась, и штурмъ ея былъ недалекъ. Трудно было намъ удерживать эту гору—она обстрѣливалась и вдоль, и поперекъ. На сѣверномъ участкѣ также была слышна страшная канонада, и дѣло тамъ было видимо серьезнѣе, чѣмъ у насъ. Длинная гора была занята достаточно сильно—на ней были поставлены 6 ротъ: одна 13-го В.-С. Стр. полка, 7 ротъ 28-го полка, охотничья команда, 9-я рота 5-го и двѣ роты моряковъ, подъ командой поручиковъ Афанасьева и Сѣдельническаго съ общимъ ихъ командиромъ лейтенантомъ Щербаковымъ. Кромѣ того на правомъ флангѣ стояли два дальнобойныхъ 6" орудій и одно скорострѣльное. Этой артилеріей командовалъ поручикъ Колмаковъ. На Высокой горѣ были только двѣ роты 5-го полка, 2-я и 4-я, и два скорострѣльныхъ орудія (я не считаю двухъ короткихъ 6" орудій: они давно были приведены къ молчанію). Опасаясь за Высокую гору, я послалъ туда еще одну роту изъ резерва.

Съ 9-го августа комендантомъ Длинной горы былъ назначенъ капитанъ Москвинъ, человекъ пожилой, но крѣпкій духомъ. Онъ былъ завѣдывающимъ хозяйствомъ 5-го полка, и я долженъ былъ

послать его въ боевую линію, такъ какъ старшій на Длинной горѣ шт.-капитанъ Городищенскій заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ.

Положеніе защитниковъ горы было, сравнительно съ другими, очень тяжелое; пищу можно было провозить только ночью, воды на горѣ также не было—ее привозили также ночью. Ходить по вершинѣ было нельзя совершенно. Такъ какъ непріятель былъ, что называется, на носу у защитниковъ Длинной, поэтому ночью приходилось держать 8 секретовъ по 6 чел. каждый. Младшихъ офицеровъ въ ротахъ не было. Снарядовъ къ орудіямъ было очень мало.

Здѣсь у мѣста изложить всю оборону этой горы и отступить отъ прежней формы изложенія, дабы дать читателю цѣльную картину этой обороны.

Предвидя скорое паденіе предгорій Угловыхъ горъ, укрѣплять Длинную гору мы начали 29-го іюля 1904 г. Работа была крайне тяжелая. Каменистый грунтъ и недостатокъ инструмента сильно давали себя чувствовать. Раньше на горѣ этой была высѣчена въ скалѣ батарея на два длинныхъ орудія 6 дм. калибра и къ нимъ—дорога. Работали только по ночамъ, такъ какъ, вслѣдствіе сильного огня непріятели, днемъ работать было немыслимо; даже ходить по горѣ было опасно, и каждый день было у насъ тамъ нѣсколько человѣкъ убитыхъ. Общее число защитниковъ было около 500 чел. По одному взводу изъ роты днемъ находились въ траншеяхъ и выставляли отъ себя часовыхъ для наблюденія, а три взвода спали за откосомъ дороги, проложенной вдоль всей горы, укрытые легкими блиндажами изъ досокъ.

Ночью, пообѣдавши, они выходили на работу и выставляли отъ себя ночную охрану.

Въ ночь съ 12 на 13-е августа я былъ разбуженъ сильной ружейной трескотней съ Дивизионной горы. Прискакалъ охотникъ и сообщилъ, что японцы лѣзутъ на Длинную гору. Быстро одѣвшись, я поскакалъ къ Длинной и приказалъ туда же идти и двумъ резервнымъ ротамъ, стоявшимъ у штаба полка.

Подѣхавши къ отрогамъ Плоской горы и ставши на дорогу съ Длинной горы въ штабъ, я сталъ наблюдать за боемъ. Погода была изъ рукъ вонъ плохая; дулъ сильный вѣтеръ и шелъ дождь. Я былъ совершенно спокоенъ, такъ какъ зналъ, что если непріятелю не удалось подойти незамѣченнымъ и захватить нашихъ врасплохъ, то онъ будетъ отбитъ.

Въ это время, по сообщенію полковника Ирмана, наши батареи открыли огонь по долинѣ передъ Длинной горой, и мѣстность чудно

освѣтилась свѣящимися ракетами. Черезъ полчаса ко мнѣ подошли резервныя роты, и пріѣхалъ полковникъ Ирманъ.

Съ горы пронесли нѣсколько раненныхъ, которые сообщили, что японцы не лѣзутъ больше, а стрѣляютъ снизу. Ну, значить отбиты.

Черезъ полчаса перестрѣлка прекратилась, и капитанъ Москвинъ доносилъ, что внезапный штурмъ отбить съ большимъ урономъ для непріятеля, который хотѣлъ застать насъ врасплохъ, но секреты во время дали знать и люди своевременно заняли свои мѣста.

У насъ было 4 убитыхъ и 16 ч. раненыхъ. Послѣ этого штурма мы сдѣлали ходы сообщенія отъ дороги кверху вдоль горы къ передовымъ окопамъ, такъ какъ раненные и убитые были въ то время, когда люди бросились занимать свои окопы. Въ ночь съ 19 на 20-е августа японцы вновь попытались завладѣть Длинной горой внезапнымъ нападеніемъ, но были отбиты исключительно ружейнымъ огнемъ и, понеся большія потери, отступили и скрылись за Угловую гору. У насъ были ранены 6 матросовъ и поручикъ Афанасьевъ.

За отбитіе этихъ двухъ ночныхъ штурмовъ капитанъ Москвинъ получилъ благодарность въ приказѣ по Квантунскому району, и много офицеровъ, и онъ въ томъ числѣ, были представлены къ наградамъ, но ничего не получили (наградные листы затерялись).

Послѣ этихъ штурмовъ полковникъ Ирманъ и я поѣхали на Длинную гору для осмотра, такъ какъ видимо гора выбиралась японцами объектомъ ихъ дѣйствій.

Удручающее впечатлѣніе я вынесъ изъ этого осмотра. Окопы были мелки, укрытія отъ прапнелей ничтожны, и непріятель ставилъ уже свои батареи за Угловой и по склонамъ впереди лежащихъ горъ въ самомъ отъ насъ близкомъ разстояніи, но люди себя чувствовали отлично, несмотря на постоянный и сильный огонь непріятеля.

26-го августа рота моряковъ съ праваго фланга ушла на отдыхъ, и ея мѣсто заняла 7-я рота 28-го полка. Эта рота неважно себя показала во время боя за Угловую гору, но некого было поставить, и я думалъ, что она постарается загладить свои неудачныя дѣйствія во время штурмовъ на Угловую гору.

Съ 26-го августа по 4-е сентября на Длинной горѣ было относительно спокойно, но 4-го сентября во время обѣда, около 12 ч. японцы, въ количествѣ одной роты, бросились съ Мертвой сопки на правый флангъ Длинной и безъ выстрѣла заняли окопъ 7-й роты 28-го полка, которая въ это время обѣдала за траншеями; рота не успѣла стать въ ружье, какъ окопы были уже въ рукахъ япон-

цевъ. Объ этомъ я узналъ по телефону съ Дивизионной горы. Не медля, по телефону же, передалъ приказаніе о томъ, чтобы японцевъ выбили изъ занятаго ими окопа, на что получилъ отвѣтъ, что капитанъ Москвинъ приказалъ виновной ротѣ 28-го полка не медля возвратить свои окопы. Но эта рота не была способна на такое дѣло. Атака 1-й роты моряковъ также не удалась; былъ отбитъ только правый флангъ траншеи, и японцы все таки удержали часть окопа и тамъ огородились камнями и земляными мѣшками.

Обезпеченные такимъ положеніемъ дѣлъ мы съ полковникомъ Ирманомъ поѣхали на гору. Я лично осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ засѣли японцы. Въ занятой части они не показывали и признаковъ жизни. Перегородки сдѣланы прочныя и высокія, такъ что человѣкъ безъ помощи другого не могъ ихъ перелѣзть.

Отлично можно было бы ихъ вышибить ручными гранатами, но у насъ ихъ тогда не было. Отнять обратно наши окопы было необходимо, и мнѣ казалось, что ночью это сдѣлать будетъ очень легко, о чемъ я и отдалъ приказаніе. Но выбитіе это почему то не состоялось. Комендантъ ограничился укрѣпленіемъ горки на правомъ флангѣ передъ японцами.

Утромъ 5-го сентября непріятель открылъ по горѣ такой страшный огонь изъ винтовокъ и пяти, близко поставленныхъ орудій, что разбилъ всѣ наши окопы, и мы понесли страшный уронъ въ людяхъ.

Въ этотъ день былъ убитъ нашъ доблестный офицеръ шт.-кап. Салтовскій, командиръ 9-й роты, и рота потеряла 26 ч. убитыми и 49 ранеными.

Непріятель днемъ атакował гору и взялъ передовыя траншеи нашей 9-й роты, но доблестная рота, безъ всякой помощи, собравшись на вершинѣ, бросилась въ штыки и взяла свои, совершенно разрушенныя, окопы обратно. Положеніе горы было страшно тяжелое. Охваченная со всѣхъ сторонъ непріателемъ, она представляла для насъ невозможную позицію.

Мы съ полковникомъ Ирманомъ доложили о положеніи дѣлъ генералу Кондратенко, выѣхали для наблюденія на Плоскую гору и стали выяснять шансы на удержаніе горы, если она и дальше будетъ держаться непріателемъ подъ такимъ же страшнымъ артилерійскимъ огнемъ со всѣхъ сторонъ. Людей для обороны горы было видимо достаточно. Посылать на гору новыя части значило подставлять ихъ подъ убійственный огонь непріятеля, укрытія всѣ были разрушены, да и командиръ такой помощи не просилъ, хотя былъ въ ежеминутномъ ожиданіи штурма.

Японцы подобрались подъ самую гору въ значительномъ числѣ и прятались очень искусно за неровностями мѣстности. На всякій случай мы придвинули резервъ поближе къ горѣ и 10-ю роту, стоявшую на правомъ флангѣ Плоской, держали на мѣстахъ. Такъ прошелъ весь день. Наша 9-я рота оборонялась безъ офицеровъ. Нравственное состояніе людей подъ убійственнымъ артилерійскимъ огнемъ было страшно напряженное. Къ вечеру огонь утихъ, и людямъ былъ посланъ обѣдъ и одна рота (кажется 12-я 13-го полка) для усиленія обороны на ночь.

6-го сентября, рано утромъ, мы съ полковникомъ Ирманомъ вышли на свой наблюдательный пунктъ, канонада уже гудѣла; особенно сильно обстрѣливались Высокая и Длинная. Получились донесенія, что къ этимъ горамъ подвинулись значительныя силы японцевъ. Нужно было ожидать атакъ на обѣ вышеназванныя горы; поэтому всѣ мои резервы я придвинулъ въ лощину за Плоской горой, чтобы они были ближе и чтобы ихъ можно было двинуть и на Высокую, и на Длинную. Положеніе дѣлъ не мѣнялось, но отъ артилерійскаго огня защитники несли очень значительныя потери. Мы рѣшили, что японцы хотятъ насъ заставить и безъ штурма очистить горы.

Къ вечеру мы съ полковникомъ Ирманомъ убѣдились окончательно, что японцы не атакуютъ горъ, такъ какъ съ нихъ я не получалъ угрожающихъ свѣдѣній. Капитанъ Москвинъ доносилъ только, что онъ организуетъ атаку занятыхъ японцами окоповъ и своимъ огнемъ съ лѣваго фланга горы уничтожилъ тысячу японцевъ, залегшихъ подъ Высокой горой.

Искренно порадовались этой удачѣ. Часовъ въ 6, ко мнѣ на Плоскую гору, явился прикомандированный къ моему полку шт.-ротм. пограничной стражи Сиротко. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ и послалъ его командовать нашей 9-й ротой на Длинную гору. Къ вечеру канонада опять прекратилась. Людямъ былъ посланъ обѣдъ и рота 3-го запаснаго баталіона въ помощь для ночныхъ работъ. Въ эту ночь я осматривалъ укрѣпленія на Высокой и Длинной горахъ.

Укрѣпленія Высокой держались, но укрѣпленія Длинной были разрушены. На ночь съ моими охотниками расположился въ оврагѣ за 10-й ротой въ землянкѣ командира 10-й роты, гдѣ и проспалъ часа три.

Н. Третьяковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).